РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ

Москва
2023

УДК 101.1
ББК 87(3)
Р 89

Русская философия войны. Карманная хрестоматия для бойца. Сост. А.Ю. Коробов-Латынцев. – М., 2023. – 88 с.

Открытый русский космос

Культурное пространство
«Солнце Севера»

Русская философия войны

Эта небольшая хрестоматия составлена специально для тебя, воин. Ты знаешь, идет война. Война всегда идет. Война повсюду. Война начинается, когда ты просыпаешься и открываешь глаза. Главная битва внутри тебя — там, внутри, как писал Достоевский, Бог с диаволом борются, и поле их битвы — твое сердце и твой ум. Но и внешние битвы важны. И к ним надо быть готовыми. Не только внешне, но и внутренне. А для того, чтобы внутренне быть готовым к войне, надо понимать ее сущность, ее нравственное и историческое значение. С этим помогает разобраться философия войны.

Философия войны — это самостоятельная дисциплина философии, ко-

торая спрашивает о природе и смысле войны, т.е. о том, почему и для чего люди ведут войны, а также могут ли они обойтись без войны. Сама война с древности интересовала философов. Древнегреческий философ Гераклит Эфесский сказал, что «война — отец всех вещей: одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными». Эту мысль Гераклита продолжил русский философ Федор Достоевский. Война, которая несет страдания, лишения, кровь и смерть, вместе с тем вызывает к жизни самые благородные свойства человека: подвиг, жертву, любовь и т.д. Все великие поэмы — о войне. Все самые жуткие свидетельства человеческой жестокости — тоже о войне. Именно эта противоречивость войны заставляет философов мучительно раздумывать о войне, о ее смысле и нравственном значении, присматриваться к ней, спорить. Написано множество книг о войне, всех не перечесть. Но чтобы составить представление о филосо-

фии войны, предлагаем небольшую карманную хрестоматию, где даны цитаты русских философов, многие из которых не только мыслили о войне, но и сами воевали.

к.ф.н., л-т Коробов-Латынцев А.Ю.

«Бог любит добродушный мир, и Бог же благословляет праведную брань. Война — священное дело для тех, которые принимают ее по необходимости — в защиту правды, веры, отечества». Поэтому когда мусульмане спросили у святого равноапостольного Кирилла, почему христиане участвуют в войнах, если Христос повелел им любить врагов, он ответил: «Христос, Бог наш, повелел нам молиться за обижающих нас и благоволить им; но Он же заповедал нам: нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 15:13). Поэтому мы терпим обиды, которые причиняете каждому из нас отдельно, но в обществе защищаем друг друга и полагаем свою жизнь за братий наших, дабы вы, увлекая их в плен, не пленили вместе с телами и души их, склоняя благочестивых к своим злым и богопротивным делам».

Святитель Филарет Московский

«Война — большой экзамен. Она разоблачает скрытые язвы и вдруг показывает, до какого болезненного состояния дошел организм народный; но она выявляет и скрытые достоинства, и скрытые здоровые силы».

Владимир Эрн

«Последние истины всегда приоткрываются в повышенных, а не в пониженных восприятиях жизни, в активных восприятиях, вносящих смысл и свет. Для духа подавленного тайны жизни бывают закрыты — они открываются лишь подъему духа. И я верю непреложно, что настоящую правду о войне знают лишь натуры героические. Война должна быть воспринята творчески-духовно. Само восприятие войны есть делание, активность духа».

«Война – великая проявительница».

Николай Бердяев

«Превосходная сторона войны заключается в том, что она в сердцевине своей есть страшная до страдальчества работа, и вокруг себя на необозримом пространстве вызывает тоже деятельнейший труд».

Василий Розанов

«Война учит нас жить, любя нечто высшее, такое, за что стоило бы и умереть; любить его больше, чем себя, и доброю волею становиться на его защиту».

Иван Ильин

«Я говорю, грозен наш народ, — раздельно повторил генерал, — красив и грозен, когда война становится у него единственным делом жизни. Лестно принадлежать к такой семье... — Он собирался добавить также, что хорошо, если Родина обопрется о твое плечо и оно не сломится от исполинской тяжести доверья, что впервые у России на мир и на себя открылись удиви-

тельные очи, что народы надо изучать не на фестивалях пляски, а в часы военных испытаний, когда история вглядывается в лицо нации, выверяя пригодность для своих высоких целей».

Леонид Леонов

«О войне люди думали и старались разгадать ее природу с того момента жизни нашей планеты, когда род людской начал вообще мыслить. Не было ни одного сильного ума, ни одного наблюдающего человека, который ни сказал бы о войне того или иного слова, но странно, ни о чем другом, как именно о ней, мнения всегда отличались крайним разнообразием и постоянными противоречиями. Война всегда слишком потрясала людей, тревожила их воображение и пробуждала их внимание, но странно: она заставляла мозги человека работать по-разному, в миллионах течений и изгибов напуганной мысли».

Андрей Снесарев

Федор Михайлович Достоевский (1821 — 1881)

Русский философ, писатель, публицист и общественный деятель

«...Ложь, что люди идут убивать друг друга: никогда этого не бывает на первом плане, а, напротив, идут жертвовать собственною жизнью — вот что должно стоять на первом плане. Это же совсем другое. Нет выше идеи, как пожертвовать собственною жизнию, отстаивая своих братьев и свое отечество или даже просто отстаивая интересы своего отечества. Без великодушных идей человечество жить не может, и я даже подозреваю, что человечество именно потому и любит войну, чтоб участвовать в великодушной идее. Тут потребность.

...Кто унывает во время войны? Напротив, все тотчас же ободряются, у всех поднят дух, и не слышно об

обыкновенной апатии или скуке, как в мирное время. А потом, когда война кончится, как любят вспоминать о ней, даже в случае поражения!..

...Великодушие гибнет в периоды долгого мира, а вместо него являются цинизм, равнодушие, скука... Положительно можно сказать, что долгий мир ожесточает людей. В долгий мир социальный перевес всегда переходит на сторону всего, что есть дурного и грубого в человечестве, — главное к богатству и капиталу. Честь, человеколюбие, самопожертвование еще уважаются, еще ценятся, стоят высоко сейчас после войны, но чем дольше продолжается мир — все эти прекрасные великодушные вещи бледнеют, засыхают, мертвеют, а богатство, стяжание захватывают всё. Остается под конец лишь одно лицемерие — лицемерие чести, самопожертвования, долга, так что, пожалуй, их еще и будут продолжать уважать, несмотря на весь цинизм, но только лишь на красных словах для формы.

Настоящей чести не будет, а останутся формулы.

...Наука и искусства именно развиваются всегда в первый период после войны. Война их обновляет, освежает, вызывает, крепит мысли и дает толчок. Напротив, в долгий мир и наука глохнет. Без сомнения, занятие наукой требует великодушия, даже самоотвержения. Но многие ли из ученых устоят перед язвой мира? Ложная честь, самолюбие, сластолюбие захватят и их. Справьтесь, например, с такою страстью как зависть: она груба и пошла, но она проникнет и в самую благородную душу ученого. Захочется и ему участвовать во всеобщей пышности, в блеске. Что значит перед торжеством богатства торжество какого-нибудь научного открытия, если только оно не будет так эффектно, как, например, открытие планеты Нептун. Много ли останется истинных тружеников, как вы думаете? Напротив, захочется славы, вот и явится в науке шарлатанство,

гоньба за эффектом, а пуще всего утилитаризм, потому что захочется и богатства. В искусстве то же самое: такая же погоня за эффектом, за какою-нибудь утонченностью. Простые, ясные, великодушные и здоровые идеи будут уже не в моде: понадобится что-нибудь гораздо поскоромнее; понадобится искусственность страстей. Мало-помалу утратится чувство меры и гармонии; явятся искривления чувств и страстей, так называемые утонченности чувства, которые в сущности только их огрубелость. Вот этому-то всему подчиняется всегда искусство в конце долгого мира. Если б не было на свете войны, искусство бы заглохло окончательно. Все лучшие идеи искусства даны войной, борьбой.

...Христианство само признает факт войны и пророчествует, что меч не прейдет до кончины мира: это очень замечательно и поражает. О, без сомнения, в высшем, в нравственном смысле оно отвергает войны и требу-

ет братолюбия. Я сам первый возрадуюсь, когда раскуют мечи на орала. Но вопрос: когда это может случиться? И стоит ли расковывать теперь мечи на орала? Теперешний мир всегда и везде хуже войны, до того хуже, что даже безнравственно становится под конец его поддерживать: нечего ценить, совсем нечего сохранять, совестно и пошло сохранять. Богатство, грубость наслаждений порождают лень, а лень порождает рабов. ...Замечу еще, что в период мира укореняется трусливость и бесчестность. Человек по природе своей страшно наклонен к трусливости и бесстыдству и отлично про себя это знает; вот почему, может быть, он так и жаждет войны, и так любит войну, он чувствует в ней лекарство. Война развивает братолюбие и соединяет народы, заставляя их взаимно уважать друг друга. Война освежает людей. Человеколюбие всего более развивается лишь на поле битвы. Это даже странный факт, что война менее обозляет,

чем мир. В самом деле, какая-нибудь политическая обида в мирное время, какой-нибудь нахальный договор, политическое давление, высокомерный запрос гораздо более обозляют, чем откровенный бой. Вспомните, ненавидели ли мы французов и англичан во время крымской кампании? Напротив, как будто ближе сошлись с ними, как будто породнились даже. Мы интересовались их мнением об нашей храбрости, наши солдаты и офицеры выходили на аванпосты во время перемирий и чуть не обнимались с врагами, даже пили водку вместе. Россия читала про это с наслаждением в газетах, что не мешало, однако же, великолепно драться. Развивался рыцарский дух. А про материальные бедствия войны я и говорить не стану: кто не знает закона, по которому после войны всё как бы воскресает силами. Экономические силы страны возбуждаются в десять раз, как будто грозовая туча пролилась обильным дождем над иссохшею почвой. По-

страдавшим от войны сейчас же и все помогают, тогда как во время мира целые области могут вымирать с голоду, прежде чем мы почешемся или дадим три целковых.

Народ во время войны выигрывает гораздо больше, чем теряет. Именно для народа война оставляет самые лучшие и высшие последствия. Как хотите, будьте самым гуманным человеком, но вы все-таки считаете себя выше простолюдина. Кто меряет в наше время душу на душу, христианской меркой? Меряют карманом, властью, силой, — и простолюдин это отлично знает всей своей массой. Тут не то что зависть, — тут является какое-то невыносимое чувство нравственного неравенства, слишком язвительного для простонародия. Как ни освобождайте и какие ни пишите законы, неравенство людей не уничтожится в теперешнем обществе. Единственное лекарство — война. Моментальное, но отрадное для народа. Война поднимает дух народа и его со-

знание собственного достоинства. Война равняет всех во время боя и мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоинства — в жертве жизнию за общее дело, за всех, за отечество»

Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1876. Апрель. Глава вторая. II. Парадоксалист. // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1994. Т. 13. — С. 142–146.

Алексей Степанович Хомяков (1804 — 1860)

Лидер славянофилов, философ, богослов, изобретатель. Участник русско-турецкой войны 1827–1828 гг.

«Война и завоевание, этот итог бесконечных убийств, бесстрастных и бесконечных, это исполинское преступление всех законов человечества, эта мерзость, сопряженная с очаровательным величием и соблазном себялюбивой славы, война еще не получила имени у людей».

Хомяков А.С. Полн. Собр. соч. М., 1900. Т.3. — С. 366.

«На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоеваний. Кровь и вражда не служили основанию государства Российского, и деды не заве-

щали внукам предания ненависти и мщения».

«Прошли века, государство русское окрепло, но новое нашествие с Запада требует нового сопротивления. Это нашествие не меча и силы, но учения и мысли. И против этих нашествий бессильна всякая вещественная оборона, и сильно только одно — глубокое душевное убеждение».

Хомяков А.С. Полное собр. соч. М., 1900. Т.3. — С. 28, 99.

Николай Федорович Федоров (1829 — 1903)

Русский философ, библиотекарь, родоначальник русского космизма

«Обратить оружие, войско на спасение от бездождия и многодождия, от засух и ливней, на спасение от неурожаев, т. е. от голода, это значило бы не только сделать войско христолюбивым в истинном смысле этого слова (как оно называется и ныне потому, конечно, что предназначено служить защитою слабым и угнетенным от сильных), но и дать истинно братский исход накопившимся громадным силам и всякого рода горючим материалам вместо того, к чему все это готовится, т. е. вместо войны, которая не перестает угрожать вот уже много лет и которая неизбежна, если люди не поймут, наконец, в чем общее их дело, и не употребят на это дело все эти приготовленные ими

и с каждым днем приумножаемые друг против друга средства».

Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4-х т. Том II. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. — С. 272–273.

«Нужно не бросить меч, а перековать его на орало, не бросить оружие, ибо его могут поднять и обратить против нас же, нужно из орудий разрушения обратить его в орудие спасения; война не волевое явление, и никакими уговариваниями, как бы сильны и красноречивы они ни были, уничтожить войну нельзя».

Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4-х т. Том II. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. — С. 282.

«Вопрос о раздвоении человеческой природы на личную и общую будет разрешен, когда люди перестанут смотреть на себя как на отдельные, обособленные

существа; когда мы поймем, наконец, что каждый из нас есть только звено в целом роде человеческом, неспособное к существованию в отдельности; что каждый из нас не просто человек, а сын человеческий, существование которого неразрывно связано с существованием всего рода, а оно зависит от теллурокосмических сил, на которые мы можем действовать не в отдельности каждый, а все в совокупности, при объединении всего рода по образу и подобию Пресвятой Троицы.

Организация армии, т. е. целого народа при всеобще-обязательной повинности, принимая во внимание интересы сельского хозяйства и семейного быта, и кладет начало такому объединению, которое создаст из рода человеческого мощь, способную действовать на теллурокосмические силы».

Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4-х т. Том II. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. — С. 289

Владимир Сергеевич Соловьев (1853 — 1900)

Русский философ, поэт, военный корреспондент

«При нравственном расстройстве внутри человечества внешние войны бывали и еще могут быть необходимы и полезны, как при глубоком физическом расстройстве бывают необходимы и полезны такие болезненные явления, как жар или рвота».

Соловьев В.С. Смысл войны // Русские философ о войне: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк. В.Ф. Эрн. М.: Жуковский: Кучково поле, 2005. — С. 26.

«Можно допускать употребление человеком оружия для войны и все, что с этим связано, нисколько при этом не изменяя духу Христову, а, напро-

тив, одушевляясь им, — и точно так же можно на словах и на деле безусловно отрицать всякое вооруженное или вообще принудительное действие и в самом этом отрицании бессознательно и даже сознательно изменять духу Христову и отчуждаться от него».

Соловьев В.С. Воскресные письма. 1897–1898.

«По-настоящему относительно войны следует ставить не один, а три различных вопроса: кроме общенравственной оценки войны есть другой вопрос — о ее значении в истории человечества, еще не кончившейся, и, наконец, третий вопрос, личный — о том, как я, то есть всякий человек, признающий обязательность нравственных требований по совести и разуму, должен относиться теперь и здесь к факту войны и к тем условиям, которые из него практически вытекают? Смещение или же неправильное разделение этих трех

вопросов — общенравственного или теоретического, затем исторического и, наконец, лично-нравственного или практического, — составляют главную причину всех недоразумений и кривотолкований по поводу войны, особенно обильных в последнее время. <…>

Между исторической необходимостью войны и её отвлеченным отрицанием со стороны отдельного человека становится обязанность этого человека относительно того организованного целого (государства), которым до конца истории обуславливается не только существование, но и прогресс человечества. <…> Единичное лицо обязано в пределах своих сил и способностей деятельно участвовать в этом общем политическом прогрессе. <…>

Смысл войны не исчерпывается ее отрицательным определением как зла и бедствия; в ней есть и нечто положительное — не в том смысле, чтобы она была сама по себе нормальна, а лишь в том, что она бывает реально необхо-

димою при данных условиях. Эта точка зрения на ненормальные явления вообще не может быть устранена, и на нее приходится становиться не в противоречии с нравственным началом, а, напротив, в силу его прямых требований. Так, например, хотя всякий согласится, что выбрасывать детей из окошка на мостовую есть само по себе дело безбожное, бесчеловечное и противоестественное, однако, если во время пожара не представляется другого средства извлечь несчастных младенцев из пылающего дома, то это ужасное дело становится не только позволительным, но и обязательным. Очевидно, правило бросать детей из окошка в крайних случаях не есть самостоятельный принцип наравне с нравственным принципом спасания погибающих; напротив, это последнее нравственное требование остается и здесь единственным побуждением действий; никакого отступления от нравственной нормы здесь нет, а есть только прямое ее приложение

способом хотя неправильным и опасным, но таким, однако, который в силу реальной необходимости оказывается единственно возможным при данных условиях».

Соловьев В.С. Смысл войны // Русские философ о войне: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк. В.Ф. Эрн. М.: Жуковский: Кучково поле, 2005. — С. 55.

Николай Яковлевич Данилевский (1822 — 1885)

Русский философ, ученый-естествоиспытатель, культуролог, геополитик, идеолог панславизма

«Рано или поздно, хотим или не хотим, но борьба с Европою (или, по крайней мере, с значительнейшею частью ее) неизбежна из-за восточного вопроса, т.е. из-за свободы и независимости славян, из-за обладания Цареградом, — из-за всего того, что, по мнению Европы, составляет предмет незаконного честолюбия России, а по мнению каждого русского, достойного этого имени, есть необходимое требование ее исторического призвания. Можно медлить, отдалять по тем или другим соображениям как с нашей, так и с европейской стороны грозный час наступления борьбы, но она не может быть устранена иначе, как если или Ев-

ропа почувствует всю справедливость славянских требований и добровольно уступит им, на что, как по всему видно, весьма мало надежды; или, если Россия, как говорят враги ее, действительно окажется

Больной, расслабленный колосс,

расслабленный нравственно, переставший внимать не только голосу народной чести, но и самым громким побуждениям инстинкта самосохранения, готовый отказаться от всех преданий своей истории, отречься от самого смысла своего существования. Но и этого мало. Если бы Россия даже дошла до такой степени унижения, оно было бы слишком невероятно, чтобы ему поверили: в нем увидали бы притворство и уловку и нас все-таки не оставили бы в покое.

Самый процесс этой неизбежной борьбы, а не одни только ее желанные результаты, как это не раз уже было высказано нами, считаем мы спасительным и благодетельным, ибо только эта

борьба может отрезвить мысль нашу, поднять во всех слоях нашего общества народный дух, погрязший в подражательности, в поклонении чужому, зараженный тем крайне опасным недугом, который мы назвали европейничаньем. Нас обвинят, может быть, в проповеди вражды, в восхвалении войны. Такое обвинение было бы несправедливо: мы не проповедуем войны — уже по одному тому, что такая проповедь была бы слишком смешна из наших слабых уст; мы утверждаем лишь, и не только утверждаем, но и доказываем, что борьба неизбежна, и полагаем, что хотя война очень большое зло, однако же не самое еще большее, что есть нечто гораздо худшее войны, от чего война и может служить лекарством, ибо «не о хлебе едином жив будет человек».

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. 1869 г. // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: Издательство АСТ, 2019. — С. 594–595.

Евгений Николаевич Трубецкой (1863 — 1920)

Русский философ, правовед, общественный деятель

«Призвание России — быть освободительницей народов».

«Россия обретает свое духовное единство и целость в освободительной войне».

«Освободительная миссия России имеет уже вековую давность. Ради нее велись наши балканские войны прошлого столетия; но никогда так резко, как теперь, не обозначался ее универсальный, общенародный характер: мы боремся за освобождение всех народов вообще, всех, кто поглощен, и всех, кому грозит поглощение и угнетение без различия племени и вероисповедания».

«Как только, вместо того, чтобы освобождать и защищать другие народы, Россия начнет поглощать и угнетать их, народы восстанут против нее, как теперь они восстают против Германии: отказаться от своей освободительной миссии для нее значит — обречь себя на гибель духовную, а в конце концов материальную».

«Внутри России будем вести себя так, чтобы не одни русские, но все инородцы, не исключая поляков, финляндцев и евреев, видели и ощущали в России свою великую общую Родину».

«Постараемся закрепить и удержать тот подъем духовный, в котором мы находимся теперь. Пусть только русский патриотизм устоит против немецкого национализма, тогда не может быть сомнения в нашей победе. Чтобы победить, мы должны ясно сознать нашу цель, национальную и вместе сверхнародную. А сознав ее, мы должны идти к ней неу-

клонно. Тогда и только тогда наш натиск приобретет неодолимую силу».

Трубецкой Е.Н. Смысл войны. М., 1914. — С. 3–18.

Василий Васильевич Розанов (1856 — 1919)

Русский философ, публицист

«Превосходная сторона войны заключается в том, что она в сердцевине своей есть страшная до страдальчества работа, и вокруг себя на необозримом пространстве вызывает тоже деятельнейший труд».

Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. Санкт-Петербург, 1915. — С. 192.

«...Без этих роковых дней войны мы все, целое наше поколение, сошли бы в могилу менее развитыми, кое-чего вовсе не узнав, не изведав, не постигнув. <...> Качнуло корабль, в котором, в сущности, мы с бесконечною уверенностью и спокойствием жили. Всякий стукнулся головою о его борт и ощутил:

«А, это наш борт! За ним враждебная соленая стихия, которая нас сожрет и не поперхнется, если только лопнет этот спасительный борт». Отсюда энтузиазм, патриотизм, жертвы. Все Иваны и Марьи до известной степени обезличились, потеряли индивидуальность свою, частность свою, но зато в каждом из них появился «образ и подобие» всей России; каждое русское «Я», может быть впервые с рождения, сказало в себе: «Я – Россия! Я – тоже Россия, но только в миниатюре: точная копия огромного и целого». Это счастливое чувство, редкое, исключительное. Не только целое поколение, но иногда ряд поколений рождается и умирает, не испытав вовсе его и не восприняв в себя соответственного развития, углубления».

Розанов В.В. Народная душа и сила национальности / Сост., предисл., указ. имен и прим. А.В. Белова / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. — С. 62–65.

«Ныне все мы воины, потому что наша Россия есть воин, а с Россией — мы все».

«В годы войны мы многому научимся, — прямо перед нами многое новое и неожиданное откроется».

Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. Санкт-Петербург, 1915. — С. 4, 37.

Павел Александрович Флоренский (1882 — 1937)

Русский философ, ученый, богослов, священник, полковой лекарь

«В воздухе разлито тончайшее веяние смерти, и какая-то торжественная жертвенность чувствуется в бегающих с чайниками или скопом перебегающих из поезда в поезд солдатах. Они неказисты на вид. Одеты кое-как; неуклюже и уж совсем не «по-военному» влезают они на подножки вагонов. Нельзя сказать и о воодушевлении, о приподнятости их речей. Но за всем этим видится общая, не личная, одухотворенность и нравственная сила, — видится за ними то, что я не умею назвать иначе, как Ангелом народа русского».

«...те, кто положил жизнь свою за нашу общую матерь Родину, кто ей, а потому и нам тем особенно любезен, разве они не связаны с нами узами теснейшими — и любви, и близости, и родства? Вот за этих-то братьев наших должны помолиться мы тем более, что умерли-то они ведь ради нашей Родины, ради нас. Мы говорим, что войны, бедствия, страдания происходят по грехам, но чьим грехам?! Ведь нельзя же сказать, что те, убитые, более грешные, чем мы, оставшиеся в живых или имеющие быть убитыми впоследствии. Но накопились грехи, загрязнили мы все ризы нашей Родины — и потребовалось омыть их, очистить ее и себя. А очищение греховных скверн совершается кровью и через кровь. И вот пролилась кровь, убеляющая грехи. Помолимся же, чтобы не понапрасну пролилась она, не всуе напиталась ею другая наша Мать-Земля, в которую все мы рано или поздно сойдем, чтобы эта кровь послужила залогом наше-

го обновления и утверждением наших братских уз навеки. Аминь».

Флоренский, свщ. Павел. В санитарном поезде Черниговского дворянства // Новый мир. 1997. № 5. — С. 148, 163.

Сергей Николаевич Булгаков (1871 — 1944)

Русский философ, правовед, богослов

«Пусть странно, а для многих дико прозвучит мое слово, но скажу его: это воскрешение приносится смертью, откровением смерти. Над міром стала смерть, о которой забыли или, вернее, хотели забыть, и, как небесный благовест, как предвестие грозной трубы архангела, зазвучала в сердцах весть. <…> Смерть старательно изгонялась из мещанского обихода. <…> У смерти стараются отнять ее торжественно-мистический характер, не услыхать ее откровения, заглушая его тихий шепот светскими церемониями, напыщенными речами. <…>

Как ветхая чешуя, спадает с лица Европы плесень мещанства, и оживает былая рыцарская доблесть. И все

это сделала война, которую уже теперь, в сознании ее великой всемирно-исторической миссии, народы зовут и священной, и освободительной. <...>

Да, война есть величайшее бедствие. Она родит зверство, огрубение нравов, будит в людях низкие инстинкты, толкает к окончательной гибели погибающее. Да, так. Мы пережили Лувен, Калиш, Реймс, переживаем повседневно насилия и преступления, становимся свидетелями глубоких падений, но не нужно забывать, что все это не создается, а лишь выявляется войной, вскрываясь из-под лицемерной личины мещанской прилизанности и вежливости, а всякая болезнь для излечения своего нуждается в выявлении. Но не это одно выявлено войной, а и другое, бесконечно ценное: из-под духовной копоти промышленности выявлена рыцарская Бельгия; поднимает снова к небу свои очи Франция; крепнет стальной дух Англии, и, быть может, приближается тот грозный час, когда прозреют, наконец, и омраченные

очи тевтонов. Пусть будет страшен для них этот час, но он может стать для них единственно спасительным, ибо лишь в огне может возродиться то, что духовно живо еще в германском гении. Другую возможность, что немцы окончательно закоснеют в своем ожесточении и замрут духовно, пока мы лучше не будем предусматривать.

Церковь учит нас молиться об избавлении от бед: от болезни, труса, потопа, огня, меча, нашествия иноплеменников. Людям бывают спасительны удары и испытания, но мы не можем, не смеем их накликать — ни на себя, ни на других, ибо это значило бы переходить границу дозволенного для человека, приписывать себе разум Провидения. Мы лишь должны готовить себя к мужественному и достойному несению свыше посылаемого креста. И до войны священной обязанностью всех было охранять мир. Но когда события влекутся уже нечеловеческой силой и в громовых раскатах явственно слышится голос Судии: Мне

отмщение, Аз воздам; когда Европа обретает трагическую судьбу свою, и свершается очистительная жертва, — нам следует собрать все свои силы, чтобы стать достойными современниками своей истории, а не малосмысленными и лишь испуганными зрителями. И не должны ли мы, не колеблясь, признать, что настоящая война, этот бич Божий, ведет за собой не только разгром, но и духовное пробуждение?.. <…>

Нет исторической силы, которая бы более сближала народ, нежели война. <…>

Всемирная война, помимо всех своих неисчислимых последствий, означает новый и великий этап в истории русского самосознания, именно в духовном освобождении русского духа от западнического идолопоклонства, великое крушение кумиров, новую и великую свободу».

Булгаков С. Война и русское самосознание. М., 1915. — С. 23–27.

Николай Александрович Бердяев (1874 — 1948)

Русский философ

«Война, в которой действуют чисто материальные орудия и которая предполагает материальную мощь, может и должна быть рассматриваема как духовный феномен, и оцениваема как факт духовной действительности. <...>

Великий и господствующий народ не может кричать об опасностях, исходящих от более слабых и подчиненных, часто от угнетаемых. У русского народа должно, наконец, проснуться царственное, не рабское сознание, и пусть сопровождается оно проявлением царственных добродетелей. <...>

Последние истины всегда приоткрываются в повышенных, а не в пониженных восприятиях жизни, в активных восприятиях, вносящих смысл и свет. Для духа подавленного тайны жизни бы-

вают закрыты — они открываются лишь подъему духа. И я верю непреложно, что настоящую правду о войне знают лишь натуры героические. Война должна быть воспринята творчески-духовно. Само восприятие войны есть делание, активность духа. <…>

Это понимание и проникновение в душу не ослабляет моей воли к борьбе и победе, оно делает зрячим и просветляет самую мою борьбу. Пафос борьбы и войны не есть пафос ненависти и истребления. Совершенно не должно ставить борьбу и войну в зависимость от нежелания понимать, от отрицания всяких достоинств у врага, от чувства ненависти».

«Война всегда двойственна, она порождает и героизм, и низость. <…> Война есть тьма и свет, ненависть и любовь, животный эгоизм и высшее самопожертвование».

Бердяев Н.А. Футуризм на войне (Публицистика времен Первой мировой войны). М.: Канон+, 2004.

«Что являет собою война? Как философски осмыслить войну? <…> Можно сказать, что война происходит в небесах, в иных планах бытия, в глубинах духа, а на плоскости материальной видны лишь внешние знаки того, что совершается в глубине».

Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. — С. 36.

«Вы, пацифисты-гуманисты, восстающие против войны и призывающие к вечному миру, вы не верите в высший смысл человеческой жизни, не верите в личную жизнь. <…> Вы очень поверхностно смотрите на жизнь человека и видите лишь отрывок этой жизни на плоскости. И вы хотите, чтобы отрывок этой жизни на плоскости был устроен как можно покойнее, удовлетвореннее и приятнее. Дальше, выше и глубже для вас уже ничего не существует. Вас страшит физическое убийство так, как

не страшит оно христиан, знающих жизнь бесконечную, ибо с физической смертью для вас все кончается. И вы не задумываетесь над тем, что убийство духовное тысячу раз страшнее убийства физического. <…> Война наносит самые страшные удары по мещанству, мещанскому покою и удовлетворенности».

Бердяев Н.А. Философия неравенства / Составитель и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. — С. 238–239.

Владимир Францевич Эрн (1882 — 1917)

Русский философ, юрист

«Война — большой экзамен. Она разоблачает скрытые язвы и вдруг показывает, до какого болезненного состояния дошел организм народный; но она выявляет и скрытые достоинства, и скрытые здоровые силы. ... На этом историческом экзамене все интересно и все захватывающе. Но, быть может, всего интереснее тот духовный облик народа, который обрисовывается непреднамеренно и бессознательно и в то же время действенно и актуально в быстром развертывании огромных событий и величайших потрясений. И, конечно, самый трудный момент экзамена приходится на воинство, в котором в эпоху мировой войны сосре-

доточивается само острие народных энергий и народного характера».

Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Лекция вторая // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Издательство «Правда», 1991. — С. 39

«Свершается поистине нечто странное и парадоксальное. В то время как материально Россия питает и всячески поддерживает армию, принимает раненых, делает бесконечные сборы на нужды войны, устраивает семьи ушедших, посылает все новые и новые поезда снарядов и резервов, — в это время духовно Россия сама питается армией, поддерживается ее непоколебимою верою, ее сосредоточенным спокойствием или, говоря проще, ее героизмом: по крайней мере, это относится к образованным, читающим и рассуждающим, интеллигентным и полуинтеллигентным классам.

Выходит, таким образом, что на плечи армии возлагаются вместо одной

две тяжелейшие задачи: она должна бороться и нас ободрять. Она должна жертвенной гибелью многих тысяч своих славных сынов спасать нас и детей наших от ужасов завоевания и в тоже время пылать не только воинским, специфически боевым одушевлением, относящимся, так сказать, к стратегической обстановке войны, но еще быть духовной опорой российского «существования» и обывательства, скалой, сокрушающей утомительную непрерывную «зыбь и рябь» с тылу идущего скептицизма.

Вряд ли кто-нибудь станет настаивать, что такое положение нормально. Конечно, двойная страда украшает двойной славой нашу армию. Кроме героизма военного, она стяжает нетленные венцы героизма духовного. Но это вряд ли делает честь оставшимся, вряд ли украшает страну, как бы выславшую из себя все героическое и духовно через это «обнищавшую». Больше того: такое положение таит в себе величай-

шую опасность и ставит под риск все достигнутое, все высшие цели войны.

Раненые солдаты и офицеры в один голос говорят, что при всех испытаниях и лишениях, которым они подвергаются, больше всего их поддерживает то, что за собой они чувствуют свой народ. Малейший знак внимания, коробка папирос или теплые рукавицы, пришедшие от «своих», переживаются ими как великая радость только потому, что они особенно жадны к каждой невидимой, эфирной ниточке, которая тянется к ним из далекой родины. В этих «ниточках» у них есть страстная и совершенно духовная потребность».

Эрн В.Ф. Общее дело // Меч и крест // Эрн В.Ф. Сочинения. — М.: Издательство «Правда», 1991. — С. 343–344.

Иван Александрович Ильин (1883 — 1954)

Русский философ, правовед

«Война вторглась неожиданно в нашу жизнь и заставила нас гореть не о себе и работать не для себя. Она создала возможность взаимного понимания и доверия, она вызвала нас на щедрость и пробудила в нас даже доброту.

Война насильственно вдвинула в наши души один общий предмет; она противопоставила нашему мелкому повседневному «здесь» — некое великое «там» и потрясла нас этим «там» до корня. То, что было «здесь» не исчезло после начала войны, но на ряду с ним выдвинулось что-то новое и, может быть, даже заслонило повседневность. Каждая душа услышала зов и от каждой протянулась куда-то нить, напряглась и задрожала и связала душу с другими в одном, сразу, далеком и близком «там».

Все нити встретились в этом общем пункте и скрепили народ в единство. Все, что «оттуда» стало важным; ибо то, что «там», оказалось родным и дорогим и существенным, и притом как бы при смерти больным. Оно тоже для каждого «мое», но по-особому «мое»: такое «мое», что не только мое, но и мое и чужое. Оно — наше; оно — общее. Это пункт, где радость не одинока и где горе разделено, ибо тому, чему я радуюсь, радуются и другие; и то, что тяготит меня, угнетает и других. Оказалось, что все имеют общий предмет любви и забот. Оказалось, что есть пункт, в котором моя любовь, мое волнение, моя боль, мое усилие, горят о том же, о чем горят другие люди, чужие мне. Но, если так, то они мне уже не чужие... И вот тает чуждость и смягчается изолированность людей. В минуты подъема и волнения теряет даже смысл деления на «знакомых» и «незнакомых»: люди, впервые видящие друг друга, уже соединены где-то, в самом важном. У них

уже есть знание друг о друге: я знаю, где у другого, «чужого» мне, человека, — боль и радость; на что он надеется и что его беспокоит. И это знание есть взаимное приближение; оно сближает людей и сокращает расстояние между ними: все легче становится найти отклик, сочувствие и совпадение; все легче встретиться и вместе загореться и согреться у одного огня. Возникает взаимное понимание; слагается уверенность друг в друге; создается доверие друг к другу. А доверие есть ключ ко всем замкам души, сковывающим ее входы. Является область, где не нужны эти замки, где можно раскрыться, где нет уже оснований к отъединению. Мы говорим друг с другом о войне и не чувствуем ложного стыда — любить наше общее, вместе радоваться его подъему и его высоте, вместе скорбить об его несовершенствах и неудачах. <…>

Да, именно смерть, возможность личной смерти, ставит перед нами война. ее наступление властно обрывает обе-

спеченность моей личной жизни, мою безопасность, мое спокойствие за себя. Война как будто говорит мне: «доселе ты жил так, как ты впредь жить не будешь; и, может быть, ты вообще больше не будешь жить». <…>

Здесь впервые обнаруживается, что война есть не только потрясение, но духовное испытание и духовный суд.

«Доселе ты жил так, как ты впредь жить не будешь», — вот голос войны. Но чем же я жил до сих пор?

Всегда, когда человек стоит перед лицом смерти и видит, что будущего нет или что он бессилен перед ним, что он уже не строит его, — он обращается вспять и пересматривает свой жизненный путь. И если это бывает даже при стремительном наступлении смерти, когда прошлое проносится вихрем в угасающем сознании, то война вызывает этот пересмотр с особенной силой и отчетливостью. <…>

Вот в чем состоит духовный суд, перед которым война ставит человече-

скую душу. Стоит ли жить тем, чем мы живем; стоит ли служить тому, чему мы служим? Война, как ничто другое, ставит этот вопрос с потрясающей силой и вкладывает в него простой и глубокий ответ: «жить стоит только тем, за что стоит и умереть». Ибо смысл войны в том, что она зовет каждого восстать и защищать до смерти то, чем он жил доселе, что он любил и чему служил. Что бы ты доселе ни делал; чем бы ты ни занимался; чему бы ни служил, — словом, чем бы ты ни жил — умей умереть за то, чем ты жил. Этим война ставит перед человеком начало ответственности: каждый отвечает за то, чем он жил и как он жил.

Война учит нас проверять нашу жизнь, ее достоинство, ее качество, ее верность, ее правоту — поставляя ее перед необходимостью защищать дело ее до конца; война учит нас судить и испытывать жизнь — смертью и превращать смерть в высшее жизненное и духовное проявление. Она указы-

вает нам путь героя и требует, чтобы этот путь стал общим, универсальным; и этим она дает разрешение основной жизненной проблемы.

Этот путь необходимо предполагает такую жизнь, при которой отказ от нее был бы не труден человеку. Эта духовная естественность и нравственная незатрудненность в отказе от жизни недоступны тем, кто — сознательно или бессознательно — полагает центр тяжести в своем личном удовлетворении и благополучии. Если в жизни я занят более всего собою, то смерть, ликвидирующая мое эмпирическое существование, повергает меня в растерянность и бледный страх: как отдам я мою жизнь, если моя жизнь есть для меня самое главное? Или, если в жизни я занят более всего моим богатством, то как отдам я мою жизнь: мое имущество перестанет тогда быть моим имуществом. И так во всем: для того, кто в себе и своем полагает главное, смерть никогда не станет актом жизни;

смерть всегда будет для него концом его «главного». Смерть всегда останется для него поражением и никогда не станет победой; ибо умереть, защищая свою жизнь, есть, действительно, поражение: даже в том случае, если человек, умирая, сразил своего недруга, он все же потерял то главное, которое он защищал, — свою жизнь. В самом деле, если он погибает, храбро защищая свою личную жизнь от своего личного врага, напавшего на него в глухом месте, то тяжелое положение его может вызвать в нас сочувствие, а храбрость, проявленная им — наше удивление. Но гибель его останется неудачей его жизненного дела; дело его было смертно, как он сам, и погибло вместе с ним: ибо дело его сводилось к его личному самосохранению. Он пал, не победив. Не благоразумнее ли ему было бежать от опасности, спасаясь? Ибо стоит ли вообще рисковать своим главным делом, т. е. своею жизнью? Не проще ли поставить ее вне опасности, освободить

ее от необходимости этой опасной самозащиты?

Именно так слагается настроение дезертира. Дезертир — это человек, который жил так, что умирать за свое жизненное содержание ему не стоит, и у которого нет ничего такого, что он любил бы больше себя. Таково душевное состояние человека, который деморализуется немедленно после начала духовного испытания: призыв на войну есть для него начало падения, а не подъема. Восстать на защиту, не опасаясь мучений и не избегая, если нужно, и смерти, поистине может только тот, кто вообще способен любить что-нибудь больше себя. Может быть, нигде это чувство не живет так естественно и цельно, как в душе матери. Мать, когда встает опасность для ее ребенка, защищает его, не помышляя об опасности для себя: ребенок, ее главное, ее любимое, ее выстраданное, дороже ей, чем ее жизнь. Тургенев видел однажды, как птичка бросилась защищать

своего птенца от сильнейшего врага, и, потрясенный виденным, записал: «Любовь сильнее смерти и страха смерти; только ею, только любовью держится и движется жизнь». Не с тою ли же непосредственностью защищает муж свою жену? И вот так же просто встают люди на защиту своей родины и ее духовного достояния.

Во всех этих порывах одно всегда имеется налицо: горящее чувство, что без этого, защищаемого мною предмета, мне самому нет жизни. Если это погибнет, то я не могу жить; конец этого — есть мой конец. Жизнь станет мне смертью, пустыней, могилой; невыносимым бременем, может быть, духовным разложением. Все лучше, чем это. Все не страшно, только бы этого не случилось. Все перенесу, только бы это спасти. И даже мыслей этих может не быть, а только один огонь чувства.

Если человек, живя так, любит что-нибудь больше себя, — свой народ, или его искусство, или свободу,

или хотя бы природу своего отечества (вспомним Карамзина), — тогда в трудах и опасностях он не видит долга или обязанности, он не «приносит жертву», он не знает колебаний. Нет долга, но есть добрая воля, своя охота. Нет жертвы, но свободная легкая отдача себя, и, может быть, даже больше, чем себя: любимых людей (мужа, детей, друзей); и такая отдача не есть «жертва», ибо в жертве всегда остается еще жалеющая судорога скупца. Нет колебаний, но целостное, нераздвоенное решение, непосредственное и незаметное. Тогда человек твердо знает и чувствует, что иначе нельзя; что иначе он не может и не хочет; и не может иначе хотеть; и не хочет иначе мочь. Смерть есть конец его, но не его дела. Лучше ему не быть, решает он, чем чтобы воцарился на земле грубый произвол своекорыстных людей, идущих покорить его родину.

Этому учит нас духовный смысл войны: «живи так, чтобы ты при жизни любил нечто высшее более, чем себя».

Тогда только ты справишься легко и непосредственно не только с тем духовным испытанием, которое несет тебе война, но и со всяким бременем жизни. Потому что только тогда ты осуществишь в душе твоей состояние истинного, непоколебимого удовлетворения, наполняющего жизни радостной, творческой легкостью, и в то же время — состояние целостной, нравственной красоты, слагающей духовный образ героя. Об этом свидетельствовали все великие нравственные учителя человечества. Скажи мне, что ты полагаешь самым важным и главным в жизни, и я скажу тебе, кто ты. <...>

Итак, война имеет духовное значение. И притом всякая война, хотя и не всякая война имеет духовное оправдание.

Духовное значение имеет всякая война, ибо всякая война есть потрясение, испытание и суд для всей жизни народа, который в ней участвует; а следовательно и для ее духовных сил.

Однако, если всякая война есть потрясение, испытание и суд для жизни народа, то не всякая война есть правая для того народа, который в ней участвует. Воюя, народ может быть прав и не прав; и война его будет иметь духовное оправдание лишь в том случае, если он прав, воюя.

Духовная оправданность войны определяется теми мотивами, которые побудили народ открыть военные действия, и теми целями, которые он, воюя, имеет в виду и осуществляет. Скажи мне, ради чего ты начал войну и ведешь ее, и я скажу тебе, прав ты или не прав. Эти мотивы и цели бывают обыкновенно ясны и до начала военных действий, и во всяком случае выясняются быстро и отчетливо. Между тем духовное значение войны определяется творческой деятельностью народа во время войны и по окончании ее. Оно определяется тем откликом, тем движением в народе, которое вызывается войною; тем духовным подъемом,

который слагается в народе во время войны и после нее. Скажи мне, что вызвала война в твоей душе; скажи мне, как ты воевал, и что извлек ты из трудов и страданий войны, и я скажу тебе о том, каково было ее духовное значение в твоей жизни».

Ильин И.А. Духовный смысл войны. М., 1915. — С. 7–25.

«Сопротивление злу силою и мечом допустимо не тогда, когда оно «возможно», а когда оно необходимо, но если оно в самом деле необходимо, то человеку принадлежит не «право», а обязанность вступить на этот путь».

Ильин И.А. О сопротивлении злу силой // Собрание сочинений в 10 т. Т.5. Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; худож. Л.Ф. Шканов. М.: Русская книга, 1996. — С. 34.

Андрей Евгеньевич Снесарев (1865 — 1937)

Русский офицер, ученый, член Российского географического общества, участник первой Мировой войны, участник Брусиловского прорыва

«Каждый человек склонен рассматривать войну как фактор, чрезвычайно деморализирующий, и это естественно. То, что в обычное время считается преступлением, как убийство или поджоги, теперь позволено, стремление нанести ближнему или массе ближних вред вызывается необходимостью, жизнь и здоровье ближнего ни во что не ставятся. Грубость и жестокость культивируются самым тщательным образом, мораль получает содержание, совершенно противоположное обычному. Что же удивительного, что характеры столь портятся и действия становятся преступными. Самое худшее, злое

и жестокое становится чем-то обычным, само собою понятным. Но ведь, с другой стороны, нигде, как на войне, мы не встретим таких картин самопожертвования, благородного дерзновения, вдохновенной находчивости для исполнения долга и бесконечного претерпевания до конца. Мирное время тускнеет, сползает в область филистерской наивности и самохвальства и по сравнению с возможностью красивых подвигов на поле боя представляется жалким и узко эгоистичным прозябанием существ, способных только дорогой болтовни попасть в область дерзновения и риска».

Снесарев А.Е. Философия войны. — М.: «Ломоносов», 2013. — С. 191.

Антон Антонович Керсновский (1907 — 1944)

Русский офицер, военный историк и теоретик

«Войну ведут не для того чтобы убивать, а для того чтобы побеждать. Немедленной целью войны является победа, конечной — мир, восстановление гармонии, являющейся естественным состоянием человеческого общества. Все остальное — уже излишества, а излишества пагубны. Диктуя мир побежденному врагу, следует руководствоваться строгой умеренностью, не доводить его до отчаяния излишними требованиями, которое лишь порождают ненависть — а стало быть, рано или поздно, новые войны. Заставить врага уважать себя, а для этого не вдаваться в шовинизм, уважать национальное —

и просто человеческое — достоинство побежденного».

Керсновский А.А. Философия войны. — М., 2010. — С.37.

Лев Николаевич Гумилев (1912 — 1992)

Русский философ, ученый-евразиец, историк, фронтовик

«Для того, чтобы победить, или, как минимум, отстоять себя, необходимо, чтобы внутри этноса возникла альтруистическая этика, при которой интересы коллектива становятся выше личных».

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л., 1990. — С. 130.

«Всегда было известно, что война — дело тяжелое и неприятное. Но есть вещи хуже войны: обращение в рабство, оскорбление чтимых святынь, разграбление имущества и, наконец, оскорбительное пренебрежение».

Гумилев Л.Н. Русь и великая степь. — М.: АСТ, 2004. — С. 78.

Евгений Эдуардович Месснер (1891 — 1974)

Русский военный теоретик

«Война — одна из форм борьбы за существование. Пока ее не устранят другие формы, она дозволена Законом Жизни. Но не всякий способ воевания дозволен… Каждой форме развития человеческой морали соответствует особый стиль войны.

Идеологическая исступленность нашего века и повсюду разлившаяся ненависть создали стиль современной войны — войны низменной, предельно ожесточенной, апокалипсической.

Слово «фронт» потеряло жуткий смысл — жутко стало на всей территории воюющего государства. <…> душа вражеской армии, душа вражеского народа стали важнейшими стратегическими объектами; мобилизация духа собственного народа стала важнейшей

задачей верховного стратега. Разложить дух врага и уберечь от разложения свой дух — вот смысл борьбы в четвертом измерении, которое сделалось более важным, чем три прочих измерения.

В нынешнюю эпоху легче разложить государство, чем его покорить оружием. Государства стали морально уязвимыми, потому что ослабело мистическое значение государства. Оно в глазах людей перестало быть высшим из земных установлений.

В прежние века войны вели ради покорения или освобождения, ради грабежа или отмщения за грабеж. Теперь началась эпоха войн за «место под солнцем». Ныне же война будет безгранично хаотичной. Причина не только в обременительном разнообразии средств войны, в многочисленности целей, в сложности коалиционных взаимоотношений, в трудности согласовать операции в четырех измерениях, но и в неимоверной сложности военной машины.

Каждой фазе развития человеческого общества соответствует особая форма вооруженной силы... Теперь немыслимо себе представить войну без Резистанса, без Армии Крайовой в подполье, без партизанских бригад. Теперь надо считаться с тем, что нет больше деления на театр войны и на воюющую страну: совокупность территорий противников это — театр войны. Теперь нет различия между легальными и незаконными способами войны — все способы узаконены если не конвенцией, то явочным порядком. Теперь нет разделения на войско и население — воюют все с градуированием напряженности и постоянства: одни воюют явно, другие тайно, одни непрерывно, другие — при удобном случае. Теперь регулярное войско лишилось военной монополии: наряду с ним (а может быть, даже больше, чем оно) воюет иррегулярное войско, а ему секундируют подпольные организации. <...> появление иррегулярного войска привело к вульгаризации по-

нятия «войско», а отсюда — снижение военной этики. Этика допускала военные хитрости, но не коварство. Ныне же в штабах разрабатывается тайновоевание: стратегия, оператика и тактика низости — террора, вероломства, измены... Сейчас же подлость вводится в систему и арабский способ ведения войны — «грязная война» — становится основной частью каждой войны.

Государства жили в мире или воевали. Третьего положения не бывало. Его выдумал Троцкий: не мир и не война. Эта формула отказа от заключения мира сейчас приобрела иной смысл: отказ от явной войны. Упразднена определенная, очевидная грань между мирными и военными международными отношениями. Можно воевать номинально и даже забыть о своем нахождении в войне...

Война XX в. не есть чисто военное предприятие: в ней политики не меньше, чем тактики, в ней пространство надо завоевывать и войском, и пропа-

гандой: теперь народ может не признать физического завоевания и продолжать духовное сопротивление (Резистанс) даже и по капитуляции воинства. Надо пропагандою влить эликсир жизни в свои массы и яд во вражеские, и надо пропагандным противоядием спасти своих от неприятельского яда. Пропаганда нападательная и оборонительная обречена на провал, если она похожа на пропаганду. Тон пропаганды должен быть подобран применительно ко вкусу, психике каждого народа. Пропаганда борется для пользы стратегии, руководствуясь указаниями психологии. <…> Пропаганда словом (радио, публичные речи, шепот), печатью, графикой, сценой, киноэкраном, выставками и т.д. должна способствовать пропаганде делом: своевременный, хотя бы и маловажный, но эффективный боевой успех дает отличные результаты в состязании нервов, в психологических сражениях, руководимых пропагандистами. <…> Иррегулярство делает возможным то-

тальное участие народа в тотальной войне.

Иррегулярная сила стала мощным фактором войны. Кто из офицеров с нею вдумчиво соприкоснется, пред тем открывается новый военно-политический мир, в котором заменены: долг — фанатизмом, храбрость — лукавством, благородство — жестокостью, традиции — импровизацией, порядок — своеволием, иерархия по старшинству — выдвижением энергичнейших, государственная идея — оппортунистическими лозунгами, унаследованная этика — учетом полезности, слово разума — криком буйства. В борьбе против иррегулярства победу дают не карательные экспедиции и не овладение территорией, но овладение душой.

<…> Руководить хаосом невозможно, но руководить в хаосе можно и через хаос прийти к победе можно. Надо лишь быть мужественным. Надо лишь перед войной не устрашиться войны и надо во время войны не утратить мужества…

Побеждают не оружием, а доблестной уверенностью в себе. Побеждают верою.

<…> В минувшую войну линия фронта разделяющая врагов, была расплывчатой там, где партизаны в тылах той или иной стороны стирали ее. В будущей войне воевать будут не на линии, а на всей поверхности территорий обоих противников, потому что позади окружного фронта возникнут фронты политический, социальный, экономический; воевать будут не на двумерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было с момента нарождения военной авиации, а — в четырехмерном, психика воюющих народов является четвертым измерением. Воюющая сторона будет на территории другой стороны, создавая, поддерживать партизанское движение, будет идейно и материально, пропагандно и финансово поддерживать там оппозиционные и пораженческиее партии, будет всеми способами питать там не-

послушание, вредительство, диверсию и террор, создавая там мятеж.

<...> В двух всемирных войнах и во многих местных родилась и развивалась Всемирная Революция, войны сплелись с мятежами, мятежи — с войнами, создалась новая форма вооруженных конфликтов, которую назовем **мятежевойной**, в которой воителями являются не только войска и не столько войска, сколько народные движения. Этот новый феномен подлежит рассмотрению с разных точек зрения, и в первую очередь с психологической: если в войнах классического типа психология постоянных армий имела большое значение, то в нынешнюю эпоху всенародных войск и воюющих народных движений психологические факторы стали доминирующими. Народное войско — психологический организм, народное движение — сугубо психологическое явление. Война войск и народных движений — мятежевойна — психологическая война.

Теория такой войны — огромная целина, которую надо вспахать тракторными плугами политико-психологической и военно-психологической научных мыслей.

Хочешь мира, победи мятежевойну!
Творческое наследие Е. Э. Месснера. — М.:
Военный университет Русский путь, 2005.

Владимир Владимирович Варава (р. 1967)

Русский философ, доктор философских наук, профессор, поэт

«Русская философия для мужественных людей Русская философия сильна не только темами о всеединстве, соборности, имяславии и софиологии. В ней также мощная рефлексия о добре и зле, о метафизическом смысле жизни и смерти, и о духовном и нравственном смысле войны.

Русские мыслители показали пагубные крайности пацифизма и милитаризма, выбрав не просто «золотую середину», но раскрыв глубочайший трагический смысл войны, не только ее «ужасы» — убийство, гибель, разруху, насилие, жестокость, зверства, но и ее светлую сторону, выводящую в иные измерения, где вершатся судьбы человечества.

Последнее особенно трудно, но без этого формируется одномерный и банальный взгляд, просто отрицающий войну. Отрицать войну также нелепо как отрицать смерть, болезнь, старость, несправедливость — неизбежные константы трагического человеческого удела.

Понять войну не значит ее оправдать, и философия войны ни в коей мере не есть апология войны. Война обнажает глубочайшие основы нашего существования, в которых гибнут иллюзии, утопии, желания «счастливой» и комфортной жизни.

Жизнь, увы, не то, что кажется обывателю, не обремененному трагической рефлексией над смыслом бытия. Русская философия войны как раз учит этому — нравственно честному, мужественному взгляду на человеческую жизнь».

В.В. Варава

Александр Гельевич Дугин (р. 1962)

Русский философ, доктор политологических наук, доктор социологических наук, кандидат философских наук

«Война имеет глубинные онтологические корни. Она коренится в самом бытии. Более того, война даже в чем-то глубже, чем бытие, так как предшествует ему. Бытие рождается из войны. Это утверждал древний философ Гераклит, назвавший войну отцом вещей.

Если мы откроем евангелие от Иоанна, то уже в первой главе в 5-м параграфе прочтем: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Это изначальная война света и тьмы. Она лежит в истоках бытия.

Война есть следствие того, что *одно отличается от другого*. Это отличие образует первую пару — жизни и смерти, света и тьмы, добра и зла, друга и врага, своих и чужих. Суть человека

Достоевский определяет такими словами: «Здесь диавол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». В самих основаниях мира лежит война, как наиболее яркая, контрастная и отчетливая форма различения.

Из войны рождается космос. Ведь космос, в отличие от хаоса, состоит не из сплошной перетекающей сама в себя массы, но из пар противоположностей: верх — низ, право — лево, до — после, внутри — вовне и т.д. Война, таким образом, есть космический принцип: рождение порядка из хаоса происходит через войну, это и есть война.

<…> Русские, как и практически все народы Земли, на протяжении всей своей истории непрерывно воевали. В каждой схватке нам бросали вызов. И каждый раз мы давали ответ. Или сами бросали вызов кому-то. Абсолютных побед на земле не бывает. Как и вечных границ или вечной дружбы. Рано или поздно все начинается снова.

Космос нельзя создать раз и навсегда, а потом успокоиться. Если бы это было так, то мир был бы механизмом. Если жизнь оставит в покое живого, живой умрет. Если дух перестанет волновать и мучать материю, материя оползнем соскользнет к собственной нищете; ведь материя — это ничто, беднее ее нет. И даже если мир есть аппарат, то и он рано или поздно истлеет. У войны нет альтернативы: *либо война, либо война*. Одно из двух. Инерция не способна ничего создавать. Государство, народ, культура всегда вынуждены воевать за то, чтобы остаться собой, сохраниться. Но в ходе этой войны они меняются — растут, крепнут, зреют, сужаются, дряхлеют, изнашиваются. И аккорды войны измеряют время людей — от войны до войны. Мы живем именно так.

Русские не исключение; мы также живем войной. Но к войне разные народы относятся, в свою очередь, по-разному. Некоторые воюют и любят

воевать. Они будто созданы для войны. Но это не для нас. Русские воевать не любят. Русские не чтут войну как-то особо. Они ее даже немного стесняются. Русские бледнеют, когда чувствуют близость войны. Они не жаждут ее. Но... *Русские практически всегда побеждают.* Так или иначе, но побеждают. Даже проигрывая (почти) все битвы, мы умудряемся выигрывать (почти) все войны. В отличие, например, от немцев, у которых все ровно наоборот.

Когда войны не избежать, русским ничего не остается, как только ее выиграть. И они (то есть мы, русские) раз за разом, век за веком делают именно это. Побеждают».

Дугин А.Г. Русская война / А.Г. Дугин, под ред. В.М. Коровина. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. — С. 5, 10–11.

«Впервые за всю историю Россия сегодня ведет абсолютную войну. Все предыдущие войны были относительны-

ми — прообразами, префигурациями той самой, главной. Только эта война — предельная, последняя и необратимо значимая. Мы пока явно не понимаем этого. Происходящее превосходит понимание даже тех, кто в ней участвует, даже тех, кто ее начал. Впервые на том конце абсолютное зло — не частичное, не релятивное. Это даже не Запад, не говоря уже о эфемерном преходящем образовании У... — каким бы адским оно ни выглядело. Это нечто намного более глубокое. Это последняя война человечества. И решительно на сторону Истины встала только Россия. Сама не поняла как. Но для этого мы и были созданы от века. Как бы все ни кончилось, полным ходом идет подготовка к Страшному Суду».

А.Г. Дугин

Содержание

Для заметок

Для заметок